

МИХАИЛ ХЛЕБНИКОВ

СТРОГИЙ ОТЧЕТ

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА
Санкт-Петербург

1.
DIE ERSTE KOLONNE
MARSCHIERT, DIE ZWEITE
KOLONNE MARSCHIERT...*

* Первая колонна марширует, вторая колонна марширует... (нем.)

О КРИТИКЕ И (ЕГО) КАПИТАЛЕ

Коллега Арсений Гончуков недавно обратил внимание на высказывание Алексея Иванова о современной отечественной критике. Цитата: «Литературная критика как институт, увы, умерла. Критики превратились в блогеров. Чем отличается блогер от критика? Поясню, пользуясь пищевой метафорой: блогер рассказывает о вкусе блюда, а критик – о рецепте. Нынешние критики заняты трансляцией своих впечатлений, хороших или плохих, а мне их впечатления неинтересны, потому что о вкусах не спорят. Спорят о содержании, о смыслах, а вскрывать смыслы критики уже не умеют»*. Слова Иванова зацепили частной правильностью – и явным непроговариванием чего-то большего.

Для понимания ситуации воспользуюсь терминами из хорошо забытой политэкономии.

*<https://journal.bookmate.com/aleksej-ivanov-esli-pisatel-obslužhivaet-chi-to-politicheskie-interesy-eh-to-pozorno/>

Кто-то, возможно, упрекнет меня в забвении гуманистических традиций русской литературы, а кто-то, вспомнив студенческие годы, похвалит за «ламповость».

Итого. Все мы, пишущие люди, обладаем «литературным капиталом» – величиной изменяемой, зависящей от внешних обстоятельств. Первый и важнейших из факторов – состояние рынка. Сегодняшний «литературный рынок» постоянно сокращается, следствием чего выступает его монополизация. «Одно издательство, одна серия, один главный автор». Единственно радующий момент, что на поступательном пути вниз мы еще не дошли до отметки «один главный критик».

Есть Акунин, который пишет исторические детективы. Пелевин ежегодно выдает по культовому роману о жизни. Прилепин – штатный бунтарь и ниспровергатель основ. Издательство, которое сегодня действительно одно, не нуждается в новых именах. На них элементарно не хватает читателей. Да, что-то издается для «ассортимента», полки нужно заполнять.

В этой ситуации отечественный критик попадает в сложное положение. Написать отзыв на новый роман Виктора Олеговича, который обсудили уже с полсотни твоих коллег? «Мы здесь стояли». Очередность подрывает смысл «критики». Тем более что чем глубже ты копаешь, тем позже напишешь и опубликуешь. Отложенная публикация ставит со всей большевистской прямоотой вопрос о читателе.

И мы попадаем в очередную «культурно-экономическую» ловушку. Если тебе как критику повезло и у тебя появился читатель, то не спеши радоваться. С вероятностью около девяноста процентов перед тобой не потребитель, а такой же производитель «культурного продукта» – образованный, умело оперирующий понятием «репрезентативность», со вкусом рассуждающий о Лакане и Джойсе. Читатель, который честно зарабатывает на жизнь таксованием или мойкой стекол, нам практически недоступен.

Перехожу к следующей выписке из потрепанной клеенчатой тетради. Падение рынка делает бессмысленными длинные инвестиции. Они попросту не окупаются. Активное освоение социальных сетей выражается не только в размещении семейных фотографий. Многие из нас пытаются там «критиковать». Подспудно в сознании складывается простая формула: «Лайк тебе поставят сегодня, а статью твою не прочитают завтра». Тут я попытался выразить сказанное в «солидном» математическом виде, но, вспомнив свои страдания на уроках алгебры, благоразумно отказался от задуманного.

Итого. Лайк есть лайк. Охотно в сетевые критики идут начинающие авторы, рассчитывающие «заработать имя» с последующей капитализацией. Увеличивает ли лайк наш литературный капитал? Есть ли эффект от «быстрых денег»? Формально – да. В реальности не появилось еще ни одного значимого критика,

по-настоящему перешагнувшего границы своей виртуальной популярности. Большинство же поставивших на «сети» вынуждены, как реальные сетевые проекты, прибегать к акциям и дисконтам. В ход идут коммент-ауты. Допустим, ты замечаешь, что «с интересом прочитал “Протоколы сионских мудрецов”, которые заставили задуматься». Или: «у Донцовой есть смешные страницы». Можно вконец распоясаться и дерзко заявить, что Быков* написал эпохальный для русской литературы роман. Нет таких тем и авторов, на которые нельзя пойти ради трехсот полноценных лайков или комментов.

Но и эта тактика не приводит к каким-то зримым результатам. Заработанный капитал некуда выводить. Рынок за время лихорадочной сетевой деятельности еще больше сократился, инфляция, напротив, бодро выросла. Некоторые творцы впадают в отчаяние и превращаются в каких-то мистических печальников отечественной словесности. От критики недостойных, но почему-то популярных авторов (эффективная тактика, но для иного времени и другого состояния рынка) они переходят к проклятиям в адрес пишущих как таковых. Затем возникает подспудная неприязнь к тем, кто просто владеет алфавитом и может читать. Следующая ступень – признание в усталости от литературы, переход к меланхоличе-

* Внесен Минюстом РФ в список иностранных агентов.

ским репостам фотографий кошечек и клипов диско-звезд далеких семидесятых.

Вспомним теперь красивое слово «диверсификация». В последнее время мы слышали и даже видели попытки вложений в другие активы. Думаю, что проект «Культурный ПЗДЖ» уже знаком многим. Татьяна Соломатина выразила желание говорить о книгах без цензуры. Непонятно, правда, где она существует, эта самая цензура. Многие из авторов мечтают стать ее жертвами. Но, увы, цензура – признак социальной значимости литературы, который нужно еще заслужить и выстрадать. Мимоходом отмечу, что постмодернизм стал фактом нашей культуры еще двадцать лет тому назад, когда в премиальном поле появился Александр Проханов с романом «Господин Гексоген». Стилистика и проблематика книги Проханова ничем не отличались от его ранних романов. Но изменилось наше представление о литературе. Роман превратился в «текст», с которым действительность «разъехалась». Тогда окончательно сформировалось понимание, что текст – это всего лишь текст. В этой ситуации критик и может транслировать лишь свои впечатления. Все остальное требует кавычек.

Возвращаясь к «ПЗДЖу», отмечу, что тактика выбрана правильная. Учитывая охват аудитории, можно рассчитывать на стремительный рост актива. Подкачало исполнение. Ролики тягостно длинные, дерзость сводится

к натужному хамству, не спасают даже ненужные вставки из классического кино. Но авторов в общем и Соломатину в частности можно похвалить за то, что они показали, как не нужно делать. Это тоже ценно.

Итожу. Как ни странно, поводы для оптимизма есть. Крах наших индивидуальных проектов можно рассматривать как необходимый элемент этапа накопления капитала. Читателям и авторам не уйти от критиков, выживших в это непростое время. Очень возможно, что литературное «вскрытие» романов Алексея Иванова, о котором он говорит, не понравится автору, и он еще с благодарностью вспомнит о славных литературных блогерах минувших времен.

2020

О БЕРЕЗКАХ, САКУРАХ И ГРАФОМАНАХ, КОТОРЫЕ НУЖНЫ ПОЭЗИИ

В тридцатые годы советские писатели практиковали поездки на места, по результатам которых давали строгий отчет. Вот результаты писательского забега некоего писателя Чернявского: «проконсультировал 35 писателей», читал лекции, «держал связь с крайкомом», «согласовывал резолюции», редактировал произведения, проводил занятия литкружков, «выявил 9 графоманов», боролся с «антисоветскими выпадами». Порадуемся за длинное дыхание автора. Обратим внимание на арифметическую четкость результатов, включающих «9 выявленных графоманов». О них – мучениках, перемалывающих тысячи тон словесной руды в современной поэзии, хочу сказать несколько слов. Незлых, как вы увидите.

Борьба с графоманией в советской поэзии объяснялась одновременно прагматично и высокоидейно. Поэзия – прекрасное средство агитации, пробирающее даже малограмотных или аполитичных. Нужные слова в нужном порядке намертво врезались в подкорку. Сочинителей идейно правильных, но плохих стихов ссылали в областные газеты. Там они осваивали искусство рифмованных отчетов о посевных и выплавке чугуна.

В шестидесятые годы графоманов прессовали коллеги. Проблема сместилась целиком

в прагматическую область. Речь шла о распределении поездок в Болгарию и покупке кооперативных квартир. Естественно, мы говорим о крупных советских поэтах. Просто талантливые обходились путевкой в Гагры и помощью при постройке дачного домика. На всех не хватало не только Болгарии: каждая сотка в садовом обществе «Парнасец» была под прицелом поэтов-горожан в первом поколении, жаждущих возвращения к истокам. Тогда борьба с графоманами имела свою красную линию – членство в Союзе писателей. После ее прорыва графоман становился молодым, независимо от возраста, поэтом и претендовал на свою малую долю народной любви в виде минимального набора житейских благ.

После крушения Советского Союза профессиональные поэты незаметно растворились. Сейчас можно назвать таковыми лишь пенсионеров, сочиняющих стихи безо всякого ущерба для семьи и поэзии. Казалось, борьба с графоманами должна также утихнуть. Социальные блага делить не нужно в силу их отсутствия. Но тем не менее борьба продолжается. Видимо, она снова, очистившись от материального искушения, приобрела идейный характер.

Недавно я прочитал статью замечательной Яны Сафроновой, в которой она проявила максимальную принципиальность в отношении тех, кто беззастенчиво использует

«березки», «рожь», «сосны» и многие другие растения в низких графоманских целях. В статье приведены примеры, многие из которых, действительно, трудно отнести к вершинам русской поэзии. Критик делает общий вывод о «морально-нравственном и художественном уровне». Заканчивается текст загадочной фразой, требующей отдельного толкования: «Если мы так пишем про Родину, находясь в ее литературных пределах, то мы вредим будущей России и лишаем ее читателя». Действительно, так писать не нужно. Будущему России мы не повредим, но за обычный смысл обидно почему-то становится.

Морально-нравственных качеств сочинителей я касаться не буду, так как не знаком с ними. Относить к абсолютным грехам зорко отмеченное «отсутствие культуры интернет-общения», «истерические капслоки» также не буду. Константин Комаров, допустим, иногда «нарушает культуру». Но на высоком качестве его поэзии это не отражается.

Скажу о «березках», «теме войны». Хотим ли мы того или нет, перед нами то, что Юнг назвал архетипами, а теперь именуется «концептами национальной культуры». Поэтому одна из задач критика – увидеть отличие штампа от концепта, как бы внешне они ни были похожи. Концепты настолько укоренены в сознании, что работают сами по себе. «Стихийный стихотворец» использует их автоматически: на стадии «рука к перу». Искушенный эстет

отвергает их, ищет собственные тропы во всех смыслах. И здесь, между прочим, присутствует опасность «скатывания в оригинальность».

Для примера приведу поэзию из журнала, в котором работает сама Яна. Практически наугад:

Костлявый,
длинный, неуклюжий,
с кругами темными у глаз,
я в этой жизни тоже нужен –
я говорю не напоказ.
Мой шаг неровен,
речь угрюма,
сутула узкая спина,
но из очков
сквозь карий сумрак
глядит иная глубина.

Да, здесь нет «берез», «ржи», «взрывов войны». Но спасает ли это «иную глубину» от почетного звания нешедевра?

Почему искушенные любители прекрасного так ценят японскую поэзию? Ведь там дремучая традиция, начиная с опостылевшего трехстрочья хокку и семнадцати слогов? Есть даже банальные сакуры, лотосы, холодные ветры и прочие штампы. Но для ценителей поэтического слова устоявшиеся образы обладают особым обаянием и притягательностью. В нашем же случае мы видим исключительно корявость и примитивность.

К тому же напомним, что того же Николая Рубцова в свое время клевали за «вторичность». Мало кто помнит, что он начинал в ленинградской «неофициальной поэзии». И потом неожиданно пришел ко «ржи» и «звезде полей». Исходя из логики критика: Рубцов «скатился», примкнул к «графоманам»? Мне кажется, что в живом развитии поэзии «стадия графомании» – необходимый этап отстаивания архетипов. Кто-то посчитает этот этап отстойным. Но потом внезапно возникает поэт, который заставляет заново почувствовать «жгучую смертную связь» со всем набором «штампов и стереотипов». Потребовались сорок лет после ухода Есенина, чтобы слова и образы снова набрали свою силу и зазвучали в полный голос. Подражательная «есенинщина» неожиданно обернулась явлением большого оригинального поэта. Мне кажется, что сегодня мы переживаем тот самый этап отдыха слова, когда оно настаивается, сохраняя тепло, которое поддерживается неловкими и где-то смешными графоманами. Здесь можно вспомнить слова «преемственность поколений», «хранители очага поэзии», но боюсь, что в таком случае я сам могу стать следующей законной добычей охотников за графоманами. И за меня вряд ли кто-то заступится.

СТАРИКАМ ЗДЕСЬ МЕСТО. О СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Недавно я обратил внимание на интересную тенденцию в западной массовой литературе. Все больше авторов приходят в писательство в возрасте «за пятьдесят». Джон Вердон, автор серии о Дэйве Гурни, опубликовал первый роман в 68 лет. Алан Брэдли издает дебютный роман, положивший начало приключениям Флавии де Люс, в 70 лет. На этом фоне Грегори Дэвис, вошедший в литературу с романом «Шангарам» в 51 год, кажется почти юным. На мой взгляд, «старение» затрагивает всю литературу, независимо от ее этажей. Постепенно оно приходит и в отечественную словесность.

Начну разговор с процессов в читательской среде, которую мы зачастую недооцениваем. Читательский мир переживает непростую трансформацию. Книжная аудитория одновременно сокращается и зримо взрослеет, если не сказать честнее – стареет. Сейчас при самом оптимистичном раскладе основа ее – категория «тридцать плюс» с тенденцией движения к загадочному, интригующему понятию «предпензионер». На наших глазах сбилось то, чего требовал и не получил сто лет тому назад Стольпин: отсутствие потрясений и относительное благополучие. Выросло хорошее поколение, которое пока не может сделать од-

ного: писать вещи, которые были бы интересны читающей публике.

Что интересного может найти она у молодых авторов, которые выросли в стерильной атмосфере нулевых? Жизненные отсечки большинства из них – выход нового поколения Sony PlayStation, эпическая борьба между вселенными Marvel с DC, Android против Apple. Попытки найти общий язык приводят, например, к появлению «поколенческих» текстов, связанных с темой школьного буллинга. Их популярность объясняется возможностью хоть какой-то межвозрастной коммуникации. Старшее поколение с любовью и благодарностью вспоминает тоталитарное пионерское детство, среднее – непростое взросление на фоне тяжелых девяностых, младшие тоже пытаются на что-то пожаловаться. Их готовы слушать: с нежностью и максимальным сочувствием. Для стимуляции молодых талантов их книги издают, им дают премии, бережно перевозят с одного форума на другой. Некоторые из них выпускают даже программные документы. Например, Артемий Леонтьев не так давно порадовал публику «Манифестом новой российской литературы». В нем он выразил сомнение в необходимости сюжета в литературе: «Серьезная проблема современной отечественной литературы в том, что большинство авторов считает, что проза может писаться только в сфере историй, то есть сюжетов».

Объявленная борьба за язык означает несколько иную проблему. Несмотря на искусственную подпитку, творческий порыв молодого поколения быстро иссякает. Выясняется банальная вещь – им просто не о чем писать. Конечно, можно для второй книги, «отточив языковое мастерство», закрутить текст и описать один день из суровой жизни офисного труженика. Но зачем и для кого? Уже написан «Улисс», повторить такой фокус с хотя бы наполовину сопоставимым эффектом невозможно. Лепить никому не нужный кирпич «на волевых» трудно и скучно. Знакомый нам автор манифеста написал книгу, в которой «обращается к историческому ландшафту Второй мировой войны, чтобы разобраться в типологии и формах фанатичной ненависти, в археологии зла, а также в природе простой человеческой веры и любви». Хорошая аннотация для курсовой работы по культурологии, которая почему-то именуется романом.

К чему это ведет? Отсутствие быстрого успеха, денег и продажи прав на экранизацию заставляет молодых авторов замолкнуть и продолжить полевые исследования офисного мира. Означает ли это оскудение пишущего мира? Нет. Приходят те, кто ценил литературу, но не мог раньше профессионально ею заниматься. Это люди, которые состоялись в нелитературной или околотитературной профессии, решили бытовые вопросы. Для них литература – не путь к славе, а внутренняя

потребность, которая всегда жила в молчащем авторе. Прошедшие годы сложились в то, что мы условно называем «жизненный опыт». Параллельно накапливались характеры, ситуации, повороты, которые спрессовались в сюжеты. Длинный разбег дает возможность писать то, что знаешь, и то, что тебе интересно. Нет времени на ощущение себя писателем, нужно просто писать. Ограниченность времени, как бы цинично это ни звучало, также работает на возрастного автора. Опасность исписаться можно считать условной.

Есть в этой ситуации отрицательные стороны? Да, есть, глупо считать создавшееся положение идеальным. Но что-то такое, о чем я говорю, понимали уже давно:

«Летом неохотно работается. Нет ощущения приближающейся смерти, как это бывает осенью – вот когда мы беремся за перо. Пора расцвета проходит у всех – но мы же не персики, и это не значит, что мы гнием. Обстрелянное ружье делается только лучше, равно как и потертое седло, а уж люди тем более. Утрачивается свежесть и легкость, и кажется, что ты никогда не мог писать. Зато становишься профессионалом и знаешь больше, и когда начинают бродить прежние соки, то в результате пишется еще лучше.

Посмотри, что получается на первых порах: творческий порыв, приятное возбуждение – писателю, а читателю ничего не передается. Позже творческий порыв иссякает и нет

того приятного возбуждения, но ты овладел мастерством и написанное в зрелом возрасте лучше, чем ранние вещи».

Это написал Эрнест Хемингуэй осенью 1929 года в письме Фицджеральду. Ему было тогда тридцать лет. И он уже был «зрелым». Сегодня для этого нужны десятилетия.

2021

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА